

УДК 811.161.1'42:39:34
ББК Ш141.12-
006.3+Ш141.12-51

ГСНТИ 16.21.47

КОД ВАК 10.02.01

Л. В. Попова

Миасс, Россия

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ДОБРО»
В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
«ЗАКОННОСТЬ» РУССКОГО ЯЗЫКА:
НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ
И ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

АННОТАЦИЯ. *Представлены результаты лингвокультурного анализа номинации законопослушности в русских пословицах и законодательных текстах. Рассмотрены формы вербализации этнокультурного концепта «добро». Доказана ориентированность профессионального правосознания на обыденное. Выявлены этнолингвоспецифичные черты профессионального правосознания.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *этнокультурная семантика, законопослушность, русский язык, этнолингвистика, этнокультурные концепты, добро, юридические пословицы, русские пословицы, законодательные тексты, правосознание.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Попова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета.*

Адрес: Миасс, ул. Керченская, 1.

E-mail: mila_fil@mail.ru.

L. V. Popova

Миасс, Russia

**ETHNO-CULTURAL CONCEPT «THE GOOD»
IN RUSSIAN SEMANTIC SPACE «LEGALITY»
IN PROVERBS AND HISTORICAL LEGISLATION**

ABSTRACT. *The article presents the results of linguo-cultural analysis of nomination of law-abidingness in Russian proverbs and legisla-*

tive texts. The forms of verbalization of the ethno-cultural concept "good" are considered. The article argues that professional legal consciousness is oriented towards everyday one. The author reveals ethno-linguo-specific features of professional legal consciousness.

KEYWORDS: *ethno-cultural semantics, law abidance, Russian language, ethno-linguistics, ethno-cultural concepts, the good, juridical proverbs, Russian proverbs, legislative texts, legal consciousness.*

ABOUT THE AUTHOR: *Popova Lyudmila Victorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology, Miass Branch of Chelyabinsk State University.*

Лексика русского юридического языка в диахроническом аспекте является объектом исследования как лингвистики, так и юриспруденции, однако культурная семантика юридической номинации изучена в малой степени, преимущественно в древнем периоде развития (до XV века). Пополнение банка лингвистических сведений о частотности и способах экспликации этнокультурной информации в лексике нормативно-правовых актов предоставляет возможность реконструировать этнокультурный сегмент профессионального юридического сознания, оценить его соотношение с обыденным правосознанием, предложить новое решение проблемы оппозиционности этих двух типов правосознания в национальной культуре. Иначе говоря, представляется актуальным получить ответ на вопрос, действительно ли официальная правовая система строилась в противопоставление национальным представлениям о нормативных общественных отношениях, о правильном поведении человека как члена национального коллектива и не имела черт этнокультурной идентичности.

Важную информацию для характеристики народного правосознания дают труды отечественных философов и правоведов [Ильин 1996, Кистяковский 1909, Рогов 2006], которые пришли к выводу об уникальности национального восприятия юридической нормы, а именно об опоре права на мораль и религию как нормальном и необходимом явлении. В лингвистике тоже приводятся факты древнеславянского сакрального синкретизма областей права и нравственности [Иванов 1978]. В широком смысле синкретизм мышления, отражающий установку на це-

лостность мировосприятия, рассматривается как достоинство национальной ментальности [Колесов 2006, Муравьев 1990].

Изучая семантическое пространство «законность» в русском языке, мы произвели выборку и анализ пословиц юридической тематики [Даль 1879, Снегирев 1848] с целью реконструкции языковой модели этого пространства в обыденном правосознании. В результате установлено, что доминантным концептом, организующим семантическое пространство «законность», стал этнокультурный концепт «добро». В понимании термина «этнокультурный концепт» (или культурно-этническая доминанта, константа культуры) мы опираемся на определения В. И. Карасика [Карасик 2002], О. А. Корнилова [Корнилов 2003], Ю. С. Степанова [Степанов 2001].

Лингвокультурологические словари описывают духовно-нравственный концепт «добро» как важнейшее обозначение добровольно принимаемой человеком нормы, в соответствии с которой осуществляется самооценка и социальная оценка поведения [Кобякова 2004: 72–74; Колесов 2014: 205; Саяхова 2010: 22]. Отмечается связь концептов «добро» и «справедливость»: «Добро делают (*добродетель*), действия добра определяются свободой, оно создает справедливость...» [Колесов 2014: 205].

Юридические пословицы отражают прилагательное *добрый* в значении 'законопослушный' как характеристику профессионалов (судей) и непрофессионалов (обычных участников правоотношений). Словари фиксируют полисемантическую прилагательного, совокупность значений которого выражает комплекс социально одобряемых качеств человека, не нарушающего моральных норм и способствующего их соблюдению. Примеры некоторых толкований: 1) «1. Добрый (противоп. злой) || миролюбивый; не склонный к вражде, ссорам», «9. Обладающий положительными качествами, достоинствами; уважаемый; благородный» [Словарь... 1989]; 2) «2. Исполненный достоинств, добродетелей; достойный. <...> 3. Делаящий, несущий добро, радость, благополучие. <...> || Добрый, отзывчивый» [Словарь... 1975, вып. 5: 270–271]; 3) «1) Относительно къ лицу значить: а) честный, благонравный, снисходительный, благорасположенный. *На него положиться можно, онъчеловѣкъдоброй. Знаться съ добрыми людьми.* <...> б) Рачительный въ своемъ званіи, исправный въ своей должности. <...> *Добрый воинъ, слуга*» [Словарь... 1789–1794, ч. II: 698]. При этом собственно юридическое значение 'законопослушный' словарями не отмечается.

Отметим важные смысловые отношения между прилагательным *добрый* и другими лексемами и сочетаниями в пословицах (на основе анализа отдельных пословиц и их совокупности).

1. Антонимичные отношения *добрый* (субстантив) / устойчивого сочетания *добрый человек* (обычно в форме мн. ч.) — *вор*: *Вора помиловать, доброго погубить. Вору висѣлица да кнутъ, а доброй всегда неплутъ. Вору воровское, а доброму доброе. Воръ Кузьма, воровать Кузьма, не молвить худова слова при добрыхъ людяхъ. Воръ съ ворами знается, а отъ добрыхъ людей отдаляется* [Снегирев 1848]. Антонимия отражает устойчивое противопоставление понятия «добрый (человек)» понятию «вор» (в узком смысле ‘тот, кто крадет’ и широком смысле ‘преступник’: *вор* — ‘мошенник, злодей, обманщик’ [Словарь... 1975, вып. 3: 28], *воровской* — ‘сделанный незаконно; преступный, мошеннический’ [Там же: 30]. «До Воинских артикулов Петра I под воровством понималось вообще всякое противозаконное действие, преступление, мошенничество, обман, плутовство, подлог <...>» [Памятники...1957: 472]). Следовательно, есть основание констатировать наличие юридического значения ‘законопослушный’ у номинативных единиц *добрый* = *добрый человек* (*вор* — преступник, значит, *добрый* не преступник). Это значение является компонентом вербально-семантического и когнитивного уровней обыденного правосознания. Семантический и когнитивный анализ пословиц *Тому не бывать въ добръ, кто часто сидитъ въ тюрьмѣ, Намъ добро и никому не зло, то законное житье* [Снегирев 1848] подтверждает данный тезис, дополняя его выводом о вхождении этнокультурного концепта «добро» в семантическое и концептуальное пространство «законность», что придает этому пространству этнокультурную специфику. *Добро* в указанных пословицах означает не только благополучие, благопристойность (‘1.Все хорошее, честное, благопристойное; счастье’ [Словарь... 1975, вып. 4: 258]), но и правомерность (в современной юриспруденции ‘соответствие явлений социальной жизни (деятельности или результатов деятельности субъектов права) требованиям и дозволениям содержащейся в нормах права государственной воли’ [Тихомирова 1997: 344–345]).

2. Синонимичные отношения лексем *добрый* / *праведный* (атрибутив *судья*) и антонимичные отношения *добрый* — *неправедный* (аналогично). *Дарами и праведнаго судью къ неправдѣ приведешь. Судія праведный — ограда каменная. У неправед-*

ныхъ судьей много затѣй [Снегирев 1848]. Ср.: *Гдѣ добрыя судьи поведутся, тамъ и ябедники переведутся* [Снегирев 1848]. Согласно информации из ряда историко-семантических словарей, например [Словарь... 1789–1794, ч. II: 698], в данной пословице прилагательное *добрый* следует истолковать как ‘рачительный въ своемъ звани, исправный въ своей должности’. Однако очевидно, что этой дефиниции недостаточно, поскольку оппозиция *добрыя судьи — ябедники* (‘инициаторы и участники лживых судебных исков, преследующие корыстные цели’) отражает характеристику двух находящихся в противоположных позициях по отношению к закону субъектов: судьи обеспечивают соблюдение закона, ябедники его нарушают. Атрибутив *добрый* в сочетании с *судья*, таким образом, следует понимать как ‘справедливый, законопослушный, обеспечивающий соблюдение закона своей профессиональной деятельностью’. Вариантом номинации *добрый судья* в указанном значении выступает выражение *судья с добрым нравом: У котораго судьи добрый нравъ, у того невинный всегда правъ* [Снегирев 1848]. Смысл данной пословицы можно выразить так: справедливый, законопослушный судья всегда оправдывает невинного. В пословицах с прилагательным *праведный* содержится та же характеристика судьи, что и в пословицах с прилагательным *добрый*. В словарях при наличии нескольких значений лексемы *праведный* — морального и религиозных — с юридической сферой коррелирует первое ‘честный, добросовестный’ [Словарь... 1975, вып. 18: 103], однако оно, как и в случае с *добрый* (судья), не исчерпывает смысла сочетания *праведный судья* в контексте пословиц. В них характеристика судьи идентична рассмотренной в пословице *Гдѣ добрыя судьи поведутся, тамъ и ябедники переведутся* — ср. с *Судія праведный — ограда каменная*. Выявленное в пословицах значение прилагательного *праведный* подтверждается словарным толкованием производного наречия *праведно* — ‘справедливо, на законных основаниях’ [Словарь... 1975, вып. 18: 102]. В пословице *Дарами и праведнаго судью кьнеправдѣ приведешь* показана типичная ситуация потенциального коррупционного поведения судьи, готового принимать взятки и нарушать требования закона, допуская неправду. *Неправда* в юридической сфере имела широкое значение ‘преступление’ и узкое — ‘ложь’ [Словарь... 1975, вып. 11: 238]. В дополнение приведем пословицу *За правду бог и добрыя люди* из раздела «Суд — правда» [Даль 1879], в которой очевидна связь между *добрыя* ‘законопослушные’ *люди*

и *правда* 'справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права' [Словарь... 1975, вып. 18: 96], или 'законность, правомерность' в собственно юридическом смысле. В противоположность семантике прилагательных *добрый* и *праведный* у прилагательного *неправедный* можно отметить значение 'несправедливый, незаконопослушный, нарушающий закон своей профессиональной деятельностью': *У неправедныхъ судей много затѣй*. Таким образом, взаимосвязь этнокультурных концептов «добро» и «правда» («праведность», «справедливость») отчетливо прослеживается в семантическом и концептуальном пространстве «законность», определяя его этнокультурную специфику в обыденном правосознании.

На втором этапе исследования мы проанализировали способности номинации понятия «законность» в русском законодательстве XV–XVIII веков, отражающем профессиональное правосознание в историческом развитии. Для положительного ответа на поставленный в рамках нашего исследования вопрос (Действительно ли официальная правовая система строилась в противопоставление национальным представлениям о нормативных общественных отношениях, о правильном поведении человека и не имела черт этнокультурной идентичности?) мы должны были бы обнаружить тенденцию абсолютного или хотя бы высокочастотного отграничения правовых категорий от моральных на лексическом уровне юридических текстов. Однако собранные и проанализированные нами материалы дают основание для отрицательного ответа: на протяжении XV–XVIII веков, в том числе в периоды реформирования правовой системы в соответствии с новыми государственными реалиями и в начале становления отечественной науки о праве, в законодательных текстах сохраняется тенденция к интегративному выражению базовых правовых понятий через языковые знаки, имеющие первичную моральную семантику. Следовательно, профессиональное правосознание было ориентировано на этнокультурные правовые представления, обладая этнокультурной идентичностью.

Как и в пословицах, в законодательных текстах этнокультурный концепт «добро» был важной частью семантического пространства «законность». Он регулярно эксплицировался при номинации правомерного поведения. Вероятнее всего, существовала прямая связь между функционированием концепта «добро» в пословицах о юридической сфере и его выбором в качестве основы для осмысления понятия «законность» и фор-

мирования данного семантического пространства в русском законодательстве на ранней стадии развития профессионального мышления. «Какъ пословицы составляютъ первичную форму права: то въ нихъ открываются слѣды правъ государственнаго, каноническаго, гражданскаго и уголовнаго съ ихъ судебными обрядами, юридическіе символы, и вообще юридическая поэзія Русскаго народа; посему онѣ принимаются юристами за первобытные источники права» [Снегирев 1848: 20]. Соглашаясь в целом с отмеченной И. Снегиревым тенденцией, сделаем оговорку: для профессионального правосознания XV–XVIII веков пословицы были не источниками права, а культурным фоном, влияющим на развитие профессиональных понятий и их языковое воплощение. Это влияние могло происходить как на сознательном, так и на бессознательном уровне языковой личности юриста, поскольку национальный язык, концентрирующий этнокультурную информацию, был основой при формировании языка профессиональной коммуникации.

В ходе исследования мы выявили три номинативные модели с использованием прилагательного *добрый*, использовавшиеся в ситуациях законодательного обозначения законопослушного субъекта.

Первая модель: *человек добрый* (ед. и мн. ч.), *добрый* (субстантив) функционировала на протяжении XV–XVIII веков в четырех частных значениях.

1. ‘Законопослушный свидетель, понятой, поручик’ — в Судебнике 1497 г., ст. 46–47; Судебнике 1550 г., ст. 58 [Российское законодательство... 1985]; Уложении 1649 г., гл. X «О Судѣ», п. 203, гл. XXI «О разбойныхъ и о татиныхъ дѣлѣхъ», п. 87 [Полное собраніе... 1830: т. I. № 1]; Уставе Воинском 1716 г., разделе «Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжebъ», ч. II, гл. III «О свидѣтеляхъ» [Полное собраніе... 1830: т. V, № 3006]. Примеры: «47. А кто купит на чужей земли что, а поймаются у него, и толко у него свидетелей два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целованиа ему нет; а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати» (Судебник 1497 г.). «1. Другой образъ доказанія бываетъ чрезъ свидѣтелей, и хотя свидѣтели мужеска и женска полу принимаются, однако жъ надлежитъ онымъ быть добрымъ и безпорочнымъ людямъ, которымъ бы можно повѣрять, кромѣтѣхъ, кои чести и достоинства лишены» (Уставъ Воинскій. Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжebъ).

2. 'Законопослушный субъект (не юрист, не чиновник), не преступник либо впервые совершивший нетяжкое преступление' — в Судебнике 1550 г., ст. 52; Уложении 1649 г., гл. XX, п. 91, гл. XXI, п. 29, 42; Генеральном Регламенте или Уставе 1720 г., гл. LIII «О шельмованныхъ и на публичномъ мѣстѣ о наказанныхъ, чтобъ таковыхъ въ службу не допускать и сообщенія никому съ таковыми не имѣть» [Полное собраніе... 1830: т. VI, № 3534]. Примеры: «А на котораго челоуѣка върозбоѣ языкъ говорить, а въ обыску его назовутъ половина добрымъ челоуѣкомъ, а другая половина назовутъ лихимъ челоуѣкомъ <...>» (Уложение, гл. 21, п. 42). «А будетъ кто кому прикажетъ челоуѣка въ дворъ, и потомъ челоуѣкъ ручается, что тотъ челоуѣкъ доброй, и воровства отъ него никакова не будетъ, и запись на себя въ томъ дать <...>» [Уложение: гл. 20, п. 91]. «3. Въ компаніи не допускать, и ихъ не посѣщать, и единымъ словомъ, таковойъ весьма лишенъ общества добрыхъ людей. А кто сіе преступитъ, самъимъ ѣтъ наказанъ быть лишеніемъ чина и галерною работою на время» (Генеральный Регламентъ или Уставъ).

3. 'Законопослушный выборный представитель от социальной группы в обсуждении и принятии нормативно-правового акта' — в преамбуле к Уложению 1649 г.: «<...> выбрать <...> добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобы Его Государево Царственное и земское дѣло съ тѣми съ всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣвсѣ великія дѣла, по нынѣшнему Его Государеву указу и Соборному Уложению, впрѣдъ были ни чѣмъ нерушимы».

4. 'Законопослушный чиновник' (фискал; обер-президент, бургомистр, ратман Главного магистрата) — в Указах «Именный. — О должности Фискаловъ» 1714 г. [Полное собраніе... 1830: т. V, № 2786], «Именный объявленный изъ Сената. — О учиненіи наказанія крестьянамъ, которые отложились отъ владѣльцовъ своихъ» 1713 г. [Полное собраніе... 1830: т. V, № 2668]; Регламенте или Уставе Главнаго Магистрата 1721 г., гл. VI «О опредѣленіи Магистратовъ и въ нихъ Президентовъ» [Полное собраніе... 1830: т. VI, № 3708]. Примеры: «И буде изъ Фискаловъ кто явится въ своемъ дѣлѣ неприлежень и нерадѣтеленъ, и таковыхъ отъ того чина отставливать, а на ихъ мѣсто выбирать иныхъ людей добрыхъ, и правдивыхъ <...>» (Указ «Именный. — О должности Фискаловъ»). «<...> выбирать во всѣхъ городахъ <...> добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей, и сочинять изъ нихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ знатные посады,

Магистраты, а въ Магистратахъ изъ оныхъ Президентовъ, которые имѣютъ быть для расправы и апелляціи вмѣсто Надворнаго Суда, въ прочихъ же Бургомистровъ <...>» (Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата).

Вторая модель: *добрый* + <название должности> в значении 'законопослушный чиновник, юрист' функционировала на протяжении XVI–XVIII веков: *боярский человек добрый, подьячий добрый, добрый юрист, добрый досмотритель, добрый служитель* (служащие полиции). Перечень нормативно-правовых актов: Судебник 1550 г., ст. 26; Уложение 1649 г., гл. X, п. 108; Уставъ Воинскій. Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ 1716 г.; Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата 1721 г. Пример: «<...> и надлежитъ онымъ добрымъ быть юристамъ, дабы при Кригсрехтахъ накрѣпко смотрѣли и хранили, чтобъ процессы порядочно и надлежащимъ образомъ отправлялись <...>» (Уставъ Воинскій. Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ).

Третья модель: *добрый гражданин, добропорядочный гражданин* в значении 'законопослушный субъект (не юрист, не чиновник)' функционировала с последней трети XVIII в. Перечень нормативно-правовых актов: Учрежденія для управленія Губерній Всероссийскія Имперіи» 1775 г., гл. XXI [Полное собраніе... 1830: т. XX, № 14392]; Уставъ Благочинія или Полицейскій 1782 г. [Полное собраніе... 1830: т. XXI, № 15379]. Примеры: «301. Буде же малолѣтныи остался безъ всякаго имѣнія, тогда Городовой Сиротскій Судъ старается помѣстить малолѣтнаго, по состоянію его, или въ общественныхъ для сирыхъ училищахъ, или у доброхотныхъ людей, дабы научился наукѣ, или промыслу, или ремеслу, и доставленъ былъ ему способъ учиниться добрымъ гражданиномъ <...>» (Учрежденія для управленія Губерній Всероссийскія Имперіи). «96. Частный Приставъ старается во всемъ сохранить установленный порядокъ и стройность такъ, дабы лихіе и недоброхотные къ установленному порядку исправились, а добропорядочнымъ гражданамъ доставить миръ и безопасное житіе» (Уставъ Благочинія или Полицейскій).

Таким образом, лингвокультурный анализ вербализации концепта «добро» в семантическом пространстве «законность» русских законодательных текстов XV–XVIII веков свидетельствует о существовании нескольких этнолингвоспецифических черт профессионального правосознания в его историческом развитии.

Во-первых, тесная связь с обыденным правосознанием, отсутствие оппозиционности. Сопоставительный анализ показывает идентичность номинаций законопослушного человека в поговорках и законодательных текстах, в частности: наблюдается устойчивое противопоставление *добрый человек — вор* в поговорках и *добрый человек — вор, лихой человек, злой человек / злодей* в законодательных текстах, или обобщенно — оппозиция понятий «добрый — правонарушитель».

Во-вторых, опора на систему морально-нравственных ценностей, в соответствии с которой языковой образ законопослушного человека состоит из необходимого набора моральных и социальных качеств: добродетельный, благонравный, благородный, достойный, уважаемый, честный, миролюбивый, снисходительный, отзывчивый. Добрый человек как 'законопослушный субъект' обладает способностью к самооценке и саморегуляции поведения благодаря наличию внутреннего ограничителя (совести, чувства справедливости).

В-третьих, вторичность юридического концепта «законность» по отношению к концептам «добро» и «правда» («праведность», «справедливость»). Об этом свидетельствует выбор номинаций с корнем *добр-* при возможном использовании номинаций с корнем *закон-*. Например, в практику словоупотребления законодателей не вошли лексемы, значения которых идентичны или максимально близки выражению *добрый человек* (и его производным) в юридическом аспекте: *законопослушник* 'повинующийся закону' [Словарь... 1992, вып. VII], *законохранитель* 'следующий закону, исполняющий закон, хранящий закон' [Словарь... 1789–1794, ч. VI: 585; Словарь... 1992, вып. VII], *законоисполнитель* 'законодатель, блюститель закона' [Словарь... 1975, вып. 5: 219]. Не реализована в юридической речи и возможность создания номинаций *законопослушный человек / гражданин* (ср. с англ. *law-abiding person / citizen*), *законопослушный* + <название должности>. Кроме того, в русском языке изучаемого периода существовала лексема *добродѣй*, значение которой 'законопослушный' непосредственно связано с юридической сферой и совпадает со значением номинации *человек добрый* [Словарь... 1789–1794, ч. II: 896], но она не использовалась в законодательных текстах.

В-четвертых, тенденция к профессиональному осмыслению концепта «добро» как «законности», к развитию юридического семантического потенциала номинаций с корнем *добр-*. На

протяжении как минимум трех столетий наблюдается интеграция «добро» в семантическое пространство «законность» путем создания производных по форме и / или значению номинаций, акцентирующих юридический аспект характеристики субъекта правоотношений: *подьячий добрый, добрый юрист, добрый до-смотритель, добрый служитель, добрый гражданин, добропо-рядочный гражданин*. По нашему предварительному исследова-нию, в законодательстве XIX века данные номинации или по-добные им не получили широкого распространения; законода-тельство XX века нами не рассматривалось. Однако в политико-правовом дискурсе XXI века отмечаем востребованность изу-ченной номинативной модели при характеристике законопо-слушности субъектов. Данный факт свидетельствует о сохране-нии этнолингвоспецифики современным правосознанием, хотя наблюдается значительно более четкая, чем исторически, язы-ковая дифференциация правовых и моральных понятий. Напри-мер, *добропорядочный* используется в сочетании с *гражданин, участник, поведение* и другими лексемами и выражениями, находясь в тесной смысловой связи с *законопослушный* и *пра-вомерный*: «И нам нужны такие правоохранительные органы, работой которых *добропорядочный гражданин* будет гордиться <...> И потому мотивация сотрудников этих органов должна быть прежде всего связана с качеством защиты прав и свобод граждан» (Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г.). «8. Государственная поли-тика ориентируется на исторически сложившиеся нормы морали и общепризнанные нравственные ценности многонационального народа России, направленные на обеспечение правомерного и *добропорядочного поведения* граждан» («Основы государствен-ной политики Российской Федерации в сфере развития право-вой грамотности и правосознания граждан». Утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. Пр-1168).

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. Пословицы русского народа: сборник пословицъ, погово-рокъ, речений, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій: в 2 т. 2-е изд. — СПб.; М., 1879. Т. I.

Иванов В. В. О языке древнего славянского права (к анализу не-скольких ключевых терминов) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славян-ское языкознание: VIII Междунар. съезд славистов: докл. совет. делега-ции. — М., 1978. С. 221–240.

- Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6, кн. 2. — М., 1996.
- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002.
- Кистяковский Б. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. — М., 1909.
- Кобякова Т. И. Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь / под ред. проф. Л. Г. Саяховой. — Уфа, 2004.
- Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб., 2006.
- Колесов В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1. А—О / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб., 2014.
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
- Муравьев В. Н. Рев племени // Из глубины: Сборник статей о русской революции. — М., 1990.
- Памятники русского права. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / сост. Е. Г. Баскакова, И. Д. Мартысевич, К. А. Софроненко, О. И. Чистяков, С. И. Штамм. — М., 1957.
- Полное собрание законов Российской Империи, повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. — СПб., 1830.
- Рогов В. А. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX — середины XVII вв.) / В. А. Рогов, В. В. Рогов. — М., 2006.
- Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — М., 1985.
- Саяхова Л. Г. Русское слово — русский мир: Лингвокультурологический словарь-минимум / Л. Г. Саяхова, Л. К. Муллағалиева, Д. М. Хасанова; под ред. Л. Г. Саяховой. — Уфа, 2010.
- Словарь Академіи Россійской. — СПб., 1789–1794.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Электронный ресурс]: в 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. — М., 1989. Т. II: (Възалкати — Добродѣтель). Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5414>.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус.яз. — М., 1975.
- Словарь русского языка XVIII века [Электронный ресурс] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — СПб., 1992–... Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.
- Снегирев И. Русскія народныя пословицы и притчи. — М., 1848.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2001.
- Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров; под ред. М. Ю. Тихомирова. — М., 1997.